

DOI 10.17150/978-5-7253-3001-4.05

Л.В. КУРАС

УДК 94(571.54+571.55)+323.1

ББК 63.3(253)

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
БУРЯТ-МОНГОЛОВ***

Рассматривается процесс образования национальной автономии бурят-монгол в рамках Дальневосточной республики под руководством Э.-Д. Ринчино и постепенный переход рычагов управления

* Работа выполнена в рамках государственного задания России (проект XII.187.1.4. «XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4).

этим процессом от национальных демократов к коммунистам под руководством М.И. Амагаева. На пути национально-государственного строительства особенно подчеркивается важнейшая роль Основного Закона (Конституция) ДБР, принятой в апреле 1921 г., в результате чего на территории республики была создана Бурят-Монгольская автономная область (БМАО).

Ключевые слова: национальная государственность бурят-монголов, Дальневосточная Республика, Конституция ДБР, национальные демократы, Учредительное Собрание, БМАО ДБР.

L. V. KURAS

FAR EASTERN REPUBLIC AND NATIONAL STATEHOOD OF THE BURYAT-MONGOLIANS

The article examines the process of establishment of Buryat-Mongolian national autonomy in the frame of Far Eastern republic led by E.-D. Rinchino. In addition, there is gradual transition of management of this process from national democrats to communists led by M.I. Amagaev. In national-state building there highlights the role of Main law (Constitution) of the FER, enacted in April 1921. Thus, the Buryat-Mongolian Autonomous Republic (BMAR) has been established on the territory of republic.

Keywords: national statehood of the Buryat-Mongolians, Far Eastern Republic, Constitution of the FER, national democrats, Constituent Assembly, the BMAR FER.

В течение 1917–1919 гг. на территории современных Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края разрабатывался проект, и осуществлялась реальная деятельность по созданию бурятской государственности, которые прошли три этапа:

– первый этап (1917–1919 гг.) — проект бурятских демократов по созданию национальной автономии, проводником и идеологом которого стал Центральный национальный комитет бурят-монгольского народа Восточной Сибири (Бурнацком) — Бурят-Монгольская народная дума (Бурнацком-Бурнардума);

– второй этап (1919 г.) связан с именем забайкальского атамана Семенова, предпринявшего попытку создания федеративного монгольского государства на основах панмонголизма, включавшего монгольские народы Забайкалья, Внутренней и Внешней Монголии;

– третий этап (1919 г.) — это попытка создания теократического государства наподобие Тибета и Монголии во главе с ханом-ламой Лубсан-Сандан Цыденовым.

Как известно, все проекты не увенчались успехом [7, с. 171]. Более успешная попытка оформления национальной государственности бу-

рятского народа была осуществлена в рамках Дальневосточной Республики (ДВР).

ДВР была провозглашена 6 апреля 1920 г. на Учредительном съезде трудящихся Прибайкалья со столицей в г. Верхнеудинск. Де-юре — это было независимое демократическое государство с капиталистическим укладом в экономике. Территория ДВР — Забайкалье и весь российский Дальний Восток. Де-факто ДВР — это «буферное» непризнанное государство, располагавшееся между Советской Россией и Японией, которое было признано только РСФСР.

В марте 1920 г. группа бурят-автономистов образовала Временный общебурятский национальный комитет, а уже в мае–июне 1920 г. в Верхнеудинске состоялся съезд представителей бурятского населения Хоринского, Селенгинского и Баргузинского аймаков Забайкальской области. Делегаты съезда провозгласили основой будущего самоопределения достижение территориальной целостности всего бурятского народа в рамках национальной автономии и приняли решение о сохранении национальных административно-территориальных единиц. Высшим органом исполнительной власти автономии стал Бурят-Монгольский народно-революционный комитет. Особую роль на пути национально-государственного строительства важнейшую роль сыграл принятый в апреле 1921 г. Основной Закон (Конституция) ДВР [3; 6]. В соответствии с его положениями территория, занятая бурятским населением (Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский аймаки), выделялась в Бурят-Монгольскую (БМАО). Общебурятская автономия была наделена широкими правами в сфере судопроизводства, административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни. В мае 1921 г. по инициативе бурят — депутатов Учредительного собрания ДВР — Бурятский народно-революционный комитет был упразднен и вместо него создано Временное областное управление БМАО ДВР [4; 5]. Тем самым на практике была реализована, концепция национально-государственного строительства, разработанная бурятскими национальными демократами, но уже в границах только бурятского этноса в связи с образованием Бурят-Монгольской автономной области ДВР. В этот период бурятские национальные демократы занимались реальным строительством национальной автономии. При этом бурятские демократы исходили из концепции построения автономии, выработанной еще в 1917 г. в ходе проведения общенациональных бурятских съездов. Тем самым их практическая деятельность стала прямым продолжением политики Бурнацкова — Бурнардумы (1917–1919 гг.). Наиболее четко основные положения национально-государственного строительства были сформулированы в решениях Верхнеудинского съезда представителей бурятского населения Хоринского, Селенгинского и Баргузинского аймаков (23 мая — 3 июня 1920 г.) и в Консти-

туции ДВР. В этом особая заслуга лидера национального движения бурят Э.-Д. Ринчино, который в своих публикациях сформулировал основные вопросы бурятской автономии. В тоже время как опытный и гибкий политик, Э.-Д. Ринчино понял, что борьба за власть в современной России подходит к завершению и победа коммунистов в этой борьбе неизбежна. Из последовательного панмонголиста, который был убежден, что в лице Монголии «мы имеем народ и страну, которые сохранили все необходимые и основные элементы для образования национального государства, все предпосылки для практического осуществления принципа национального самоопределения» [10, с. 8], он превращается в ортодоксального строителя национального бурятского государства на новой основе. Именно Э.-Д. Ринчино попытался обосновать идею бурятской автономии в новых исторических условиях и на языке, понятном новой власти. Необходимость национальной автономии он связывает, прежде всего, с интересами внешней политики Советской России и развитием мировой революции в странах Азии. «Инородческий вопрос в Сибири, — пишет он, — ввиду его специфических особенностей приобретает особо важное значение, ...победа революционной России над мировой реакцией и крушение капиталистического строя зависят в значительной степени от взрыва революционного пожара в мировом масштабе. С этой точки зрения особенное и чрезвычайно важное значение имеет возникновение революционной бури в Центральной Азии и на Дальнем Востоке...» [10, с. 86]. При этом Э.-Д. Ринчино подчеркивает, что для экспорта революции на Восток «немаловажное значение будет иметь то или иное разрешение инородческой проблемы в Сибири в качестве иллюстрации искренности заверений и политики Советской России... Все работы об улучшении положения инородцев... в силу общности языка, письменности и единства культуры инородческих народностей Сибири с народами Азии, будут немедленно просачиваться за границу и вызывать соответствующие результаты...» [10, с. 86]. Он рассматривает проблему раздробленности и отдаленности друг от друга территорий, на которых проживают буряты, считая это обстоятельство серьезным препятствием на пути образования автономии. Тем не менее, он убежден, что «центральной власти придется принять ряд мер, чтобы уничтожить это губительное для, и без того плохо чувствующего себя маленького народа распыление, которое не имеет никого оправдания, основания...» [10, с. 191].

В статье «Инородческий вопрос и задачи советского строительства в Сибири» Э.-Д. Ринчино излагает свою позицию в вопросе о политических формах бурятской автономии: «Прежде всего, следует... считаться с тем, как мыслят сами бурят-монгольские массы... устройство своей судьбы» [10, с. 189]. В докладной записке «Народному комиссару по делам национальностей РСФСР товарищу Каменскому», написанной

Э.-Д. Ринчино в 1920 г., автор предлагает свой вариант решения данного вопроса: «1) объединение всех бурят-монголов в одно целое и предоставление им автономии; 2) высший исполнительный орган Бурят-Монголии подчиняется непосредственно центральному правительству через Нацком и имеет право сношений и представительства в Монголии, Тибете и других родственных буддийских странах по делам культурно-национальным, религиозным и экономическим; 3) представительный и законодательный орган Бурят-Монголии обладает правом законодательства по культурно-национальным и местным делам и правом внесения корректив в законодательные акты центральной власти сообразно местным особенностям быта и жизни» [10, с. 189–190].

Вполне очевидно, что в основе идеи Э.-Д. Ринчино о бурятской автономии лежали как внешнеполитическая целесообразность, так и этнокультурная самобытность бурят. В его размышлениях указывается на необходимость политической институционализации органов бурятского самоуправления. Вообще эта мысль была характерной для большинства лидеров национального движения. Так, в программе общества национального культурно-политического самоопределения — Бурнацкульта, созданного под руководством Б.Б. Барадина после образования Дальневосточной Республики, ставилась задача национально-культурного возрождения бурятского народа, выражающаяся «в полном развитии творческого духа народа в области создания культурных ценностей национального и общечеловеческого значения» [2, с. 11], для реализации, которой необходимо было оказывать «всемерное содействие к политическому самоопределению бурят-монгольского народа на основе завоевания единства национальной территории и полной политической независимости» [2, с. 14] при сохранении существующих национальных организаций [9, с. 264].

И, наконец, Конституция ДВР предоставила бурятам «право на широкое самоопределение»; «вся территория, населенная бурят-монгольским народом, выделяется в особую область», население которой объявлялось самостоятельным «в сфере организации суда, административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни» [1]. В компетенцию автономного управления входило: «1) распоряжение всем земельным фондом области; 2) местное бюджетное право, установление местных налогов, сборов, пошлин и повинностей, заключение займов; 3) организация народного хозяйства; 4) законодательство по народному просвещению; 5) организация местного национального суда...» [5, с. 143].

Таким образом, лидеры национального движения сделали первый шаг на пути реализации, разработанной Бурнацкомом еще в 1917 г., концепции построения моноэтничной автономии. При этом они считали конечной целью национально-государственного строительства реализа-

цию идеи территориальной целостности всего бурятского народа в рамках национальной автономии.

В ходе работы Учредительного собрания возникли острые противоречия по вопросу разрешения аграрных отношений в Восточном Забайкалье. Бурятская делегация выступила «за немедленное уничтожение в законодательном порядке чересполосицы путем переселения и расселения русского, бурят-монгольского населения за счет государства...». Лидеры бурятской автономии так же потребовали: во-первых, «чтобы минеральные источники, лесные и рыбные богатства и недра земли на бурят-монгольской территории были признаны достоянием бурят-монгольского народа». Во-вторых, «чтобы государственная монополия на сырье и пушнину не распространялась на бурят-монгольскую народность, чтобы это дело было всецело передано ее центральному автономному управлению». В-третьих, требование права «торгового сношения с иностранными рынками по сбыту сырья и пушнины и по приобретению предметов потребления» [10, с. 270]. В-четвертых, чтобы «делом промышленности среди бурят-монгольского народа ведали бурят-монгольские национальные органы» [8, с. 176].

Таким образом, юридическое оформление автономии позволило лидерам бурятского национального движения перейти от общих деклараций к постановке более конкретных задач, в том числе в экономической сфере.

Создание автономии было воспринято национальными лидерами как реальное расширение своих прав. Так, в мае 1921 г. Временное управление Бурят-Монгольской автономной области (Бурмонавтоупр) Дальнего Востока в своем «Воззвании» к бурятскому народу констатировало: «Бурят-Монгольской народности предоставлена широкая автономия, т.е. право на совершенно самостоятельное и независимое ни от кого существование в сфере организации суда и административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни: Наконец-то бурят-монгольский народ получил возможность жить самостоятельно» [9, с. 273]. Аймачные и хошунные народные ревкомы преобразовывались в управления. В августе 1921 г. Временное областное управление было признано официальным органом исполнительной власти БМАО.

В октябре–ноябре 1921 г. в Чите состоялось Первое национальное собрание, на котором произошло завершение строительства бурятской автономии в составе ДВР. Национальное собрание БМАО ДВР сформировало Областное управление под руководством М.И. Амгаева, в котором ведущую роль играли коммунисты. Лидеры национального движения были отстранены от власти. С этого момента дальнейшее развитие национальной бурятской автономии происходило под контролем местных органов РКП(б). В начале 1922 г. на основе объединения бурятских

аймаков Иркутской губернии создана Бурят-Монгольская автономная область в составе РСФСР. А после упразднения ДВР начался процесс формирования общепурятской автономии.

30 мая 1923 г. постановлением ЦИК СССР автономные области бурят-монголов были объединены в Бурят-Монгольскую АССР, в рамках которой буряты получили право на реализацию национально-культурной автономии в составе РСФСР.

Список использованной литературы и источников

1. Основной Закон (Конституция) ДВР. — Владивосток, 1921.
2. Батуев Б. Б. Барадин: штрихи к политической биографии / Б. Б. Батуев // Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). — Улан-Удэ : ВСГИК; ОНЦ «Сибирь», 1991. — С. 6–22.
3. Гореликов А. И. Развитие коренных народов Дальнего Востока в начале XX века: опыт правового регулирования / А. И. Гореликов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 18 (199). История. — Вып. 41. — С. 77–80.
4. Елаев А. А. Бурятия: Путь к автономии и государственности / А. А. Елаев. — М. : Антал, 1994. — 176 с.
5. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение / А. А. Елаев. — М. : РАГС, 2000. — 352 с.
6. Залеская О. В. Концепция культурно-национальной автономии в Дальневосточной Республике / О. В. Залеская // Россия и АТР. — 2009. — № 3. — С. 132–141.
7. Курас Л. В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2017. — 188 с.
8. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2016. — 252 с.
9. Шулунов Н. Д. Становление Советской национальной государственности в Бурятии (1919–1923) / Н. Д. Шулунов / под ред. П. Т. Хаптаева. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. — 492 с.
10. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды / сост. Б. В. Базаров, Б. Д. Цыбиков, С. Б. Очиров. — Улан-Удэ : [б.и.], 1998. — 236 с.

Информация об авторе

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; e-mail: kuraslv@yandex.ru

Author

Leonid V. Kuras — Doctor of History, Professor, Leading Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia in Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Science, 6 Sakhyanova St., 670047, Ulan-Ude, Russia; e-mail: kuraslv@yandex.ru